

ЭСТЕТИКА «ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ» В РАССКАЗЕ

Л.Н. ТОЛСТОГО «АКУЛА»¹

Лариса Ивановна Черемисинова

доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой начального языкового и литературного образования факультета ППиСО ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»

e-mail: larisa.cheremisinova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются формы психологического анализа в творчестве Л. Н. Толстого. Особое внимание уделяется особенностям психологизма в рассказе «Акула».

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, художественное произведение, психологический анализ, выразительные движения.

AESTHETICS OF «EXPRESSIVE MOVEMENTS» IN THE STORY

BY L.N. TOLSTOY «SHARK»

L.I. Cheremissinova

doctor of philology, associate professor, head of the Department of Elementary Language and Literature Education of the [Faculty of Pedagogical and Special Needs Education](#)

Saratov State University

e-mail: larisa.cheremisinova@mail.ru

Abstract. The article discusses the forms of psychological analysis in the works of Leo Tolstoy. Special attention is paid to the peculiarities of psychologism in the story «Shark».

Keywords: L.N. Tolstoy, a work of art, psychological analysis, expressive movements.

В научном наследии И. В. Страхова большое место занимают работы, в которых рассматриваются различные проблемы психологии литературного творчества. Его интересовал не только сам процесс творчества, но и психологическое исследование произведений русской литературы — т.е. продуктов словесного творчества. В этом смысле И. В. Страхов изменил традицию психологической науки, обогатив ее ценными наблюдениями в области не только психологии литературного творчества, но и психологии языка, характерологии и даже поэтики художественной прозы.

Научные открытия И. В. Страхова шли параллельно с научными открытиями его знаменитого старшего современника Л. С. Выготского. В книге «Психология искусства», написанной в 1925 году, а впервые опубликованной в 1965 году, Выготский писал: «До сих пор психологическое исследование искусства всегда производилось в одном из двух направлений: либо изучалась психология творца, создателя по тому, как она выразилась в том или ином про-

¹ © Черемисинова Л.И., 2018

© Саратовский университет, 2018

изведении, либо изучалось переживание зрителя, читателя, воспринимающего это произведение. Несовершенство и бесплодность обоих этих методов достаточно очевидны. <...>. Надо попытаться за основу взять не автора и не зрителя, а самое произведение искусства [1, с. 38, 39]. Таким путем шел и И. В. Страхов в своем исследовании психологии литературного творчества.

Материалом для исследований Страхова стали произведения Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Гончарова, К. А. Федина и других писателей. Главный труд И. В. Страхова в области психологии литературного творчества — монография «Л. Н. Толстой как психолог», выдержавшая два издания: первое — в 1947 году в серии «Ученые записки Саратовского педагогического института» [2], второе — в 1996 году (в серии «Психологи Отечества») [3]. Основная проблема, интересовавшая И. В. Страхова в творчестве Толстого, — «исследование “диалектики души” <...>, его глубоких психологических открытий в художественном познании душевной жизни» [3, с. 2]. Ученый анализирует различные формы душевной жизни: внутренние монологи, язык чувств, выразительные черты характера, сновидения, восприятие образов природы. Преимущественное внимание уделяется исследованию автобиографической трилогии Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», а также его романного творчества («Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»). За пределами исследования находятся поздние произведения Толстого, а также его творчество для детей.

Психологический анализ в творчестве Толстого, по утверждению И. В. Страхова, имеет двоякую направленность: «предметом анализа являются внешние экспрессивные особенности психических процессов и состояний и сами процессы и состояния в их психологическом своеобразии, их структура и динамика» [4, с. 54]. Речь идет, таким образом, о двух формах психологического анализа: «психологический анализ извне», в котором анализируются «внешние экспрессивные особенности психических процессов и состояний» и «психологический анализ изнутри», когда предметом анализа становятся сами пси-

хические процессы и состояния, «их структура и динамика». Этой проблеме посвящена работа Страхова «Психология творчества» (1968) [4]. Методика исследования форм психологического анализа в художественной литературе, разработанная И. В. Страховым, является чрезвычайно продуктивной, позволяет проникать в художественный мир произведений писателя, открывает не виданные ранее смысловые пласты. Посмотрим, что дает ее применение в «детском» творчестве Толстого.

Известно, что глубокое проникновение Толстого в психологию детского восприятия литературы во многом определило поэтику его произведений для детей. Одной из особенностей этой поэтики является психологизм, понимаемый как раскрытие внутреннего мира маленьких героев, их стремлений, интересов, мотивов поведения. Однако психологизм детского творчества писателя, в отличие от «взрослого», имеет совсем другую природу, что обусловлено возрастом маленького читателя. Толстой практически отказывается от описания процесса протекания душевной жизни, по крайней мере, от той подробности и тщательности наблюдения за постоянной текучестью и изменчивостью душевной жизни, которые свойственны его творчеству для взрослых.

Обратимся к сюжету хорошо известного произведения, вошедшего в школьный литературный канон еще при жизни их автора и оставшегося в нем практически до настоящего времени. Это рассказ «Акула», повествующий о двух мальчиках, которые «вздумали плавать наперегонки в открытом море» и о том, как они чуть было не стали жертвами акулы. Произведение написано от первого лица: *«Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. <...> На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду <...>. <...> все мы увидели в воде спину морского чудовища. <...>. Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет. Раздался выстрел, и мы¹ увидели <...>»².*

¹ Здесь и далее курсив мой — Л. Ч.

² Рассказ «Акула» цитируется по изданию: Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. IX / Сост. Л. Д. Опульской. М.: Изд-во «Правда», 1987. С. 92—93.

Форма «я-повествования» в данном случае – психологический прием воздействия на маленького читателя. Позиция рассказчика, который был непосредственным участником и свидетелем событий, убеждает в правдивости рассказанной истории, создает иллюзию правдоподобия, позволяет завладеть вниманием читателей. Если в «Косточке» эту роль выполняла жанровая форма были, то в рассказе «Акула» — способ субъективного повествования.

В рассказе «Акула» напряженный, динамичный сюжет, в нем очень много движения — и внешнего (телесного) и внутреннего (душевного). Внутренний мир, переживания и состояния героев не описываются напрямую. Они передаются через систему «внешних» знаков, характерных для Толстого и открытых И. В. Страховым. Прежде всего это акцентирование внимания на экспрессии поведения героя, которая раскрывает состояние души. «Психологическая картина чувства, — отмечает И. В. Страхов, — оттеняется самыми разнообразными физическими признаками — мимическими, голосовыми, общим двигательным беспокойством или торможением, сердечными и дыхательными изменениями» [3, с. 155]. При изображении сильных чувств писатель всякий раз находит характерные физические черты, «оттеняя таким образом различные степени и видоизменения выразительности» [3, с. 156].

В рассказе «Акула» моменты наивысшего эмоционального напряжения переданы с помощью изображения состояния «оцепенения», которое периодически сменяется чрезмерной двигательной активностью героев. Или наоборот: двигательное беспокойство сменяется «оцепенением» — ужасом от предчувствия беды. Характерно в этом отношении поведение старого артиллериста, мальчиков и матросов.

«Акула плыла прямо на мальчиков.

— Назад! назад! вернитесь! акула! — закричал артиллерист. Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали еще веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, *не шевелясь*, смотрел на детей».

Внутреннее состояние артиллериста (страх, ужас пред надвигающейся опасностью, желание и полное бессилие что-либо изменить и т.д.) передается

через экспрессию его речи, состоящей из отрывочных, коротких побудительных предложений, затем через «физическое» изменение цвета кожи — «бледный как полотно» и через конечное «оцепенение»: «не шевелясь, смотрел на детей».

Далее начинается период «двигательной активности» всех героев. Сначала — матросов, на глазах которых вся эта картина разворачивается и которые, разумеется, понимают, глубину проблемы. «Матросы *спустили* лодку, *бросились* в нее и, сгибая весла, *понеслись что было силы* к мальчикам». Три так называемых «выразительных движения»: «спустили», «бросились в нее» и «понеслись что было силы» — передают обеспокоенность сложившейся ситуацией, понимание всей серьезности ее и — слаженность, решительность действий, направленных на то, чтобы спасти мальчиков от неминуемой смерти.

Двигательная активность характеризует и поведение мальчиков, когда они увидели акулу: «Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них *оглянулся*, и мы все услышали *пронзительный визг*, и мальчики *поплыли в разные стороны*». Как видим, здесь нет описания того, что происходит в душе мальчиков; есть описание действий, «выразительных движений»: *оглянулся — пронзительный визг — поплыли в разные стороны*. Чувства, испытанные в этот момент героями, читатель сам «достраивает», переживая их вместе с героями.

Далее наступает очередной период активности артиллериста, который сменяется очередным оцепенением: «Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он *сорвался с места и побежал к пушкам*. Он *повернул хобот, прилег к пушке, прицелился и взял фитиль*». «Мы все, — продолжает рассказчик, — сколько нас ни было на корабле, *замерли от страха и ждали, что будет*».

Раздался выстрел, и мы увидели, что артиллерист *упал* подле пушки и *закрыл лицо руками*. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза».

Сцена всеобщего оцепенения, когда все свидетели и участники событий «замерли от страха и ждали, что будет», является в рассказе кульминационной.

В финале происходит постепенное освобождение от «ощепенения», которое сковало страхом всех на корабле, переход от него к движению, к жизни, к радостному ликованию. Однако описания радостных переживаний опять-таки нет. Они угадываются в характере движений героев, в их голосах: в тихом, все усиливающемся ропоте, переходящем в громкий, радостный крик. Финальный аккорд: «В несколько минут лодка *подплыла* к мальчикам и *привезла* их на корабль» — звучит стремительно, динамично, отрывисто. Действие, двигательная активность является способом выражения внутреннего состояния.

Таким образом, в творчестве Толстого для детей особой значимостью обладает так называемая эстетика «выразительных движений», которые оказываются внешней формой выражения чувств. Отличительная особенность психологического анализа в произведениях Толстого для детей — преимущественное использование формы «психологического анализа извне» [5, с. 60], что обусловлено ориентацией на маленького читателя. Это освободило прозу для детей от излишней описательности, сделав ее более динамичной и вместе с тем глубоко психологичной.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Психология искусства. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Искусство, 1968. 345 с.
2. Страхов И.В. Л.Н. Толстой как психолог // Ученые записки Саратов. пед. ин-та. Вып. 10. Кафедра психологии. Саратов, 1947. 316 с.
3. Страхов И.В. Психология литературного творчества. Л.Н. Толстой как психолог. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 384 с. (Серия «Психологи отечества»).
4. Страхов И.В. Психология творчества. Саратов: Объединение «Полиграфист», 1968. 77 с.
5. Черемисинова Л.И., Жигалина Е.В. Формы психологического анализа в творчестве Л. Н. Толстого для детей // XXV Страховские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции в рамках Международного научного симпозиума, посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ «Столетие гуманитарного образования в Саратовском государственном университете: диалог времен – прошедшего, настоящего и будущего» (Саратов, 03 ноября 2017): сб. науч. тр. / Под ред. М.С. Ткачевой (отв. ред.), Т.Г. Фирсовой, Р.М. Шамионова. М.: Изд-во «Перо», 2017. С. 314-319 [Электронное издание].
6. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. IX / Сост. Л.Д. Опульская. М.: Изд-во «Правда», 1987. С. 92—93.